

И.Н. Тяпин

Вологодский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА РОССИЙСКОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА: НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье исследуется проблема геополитического идеала российского традиционализма (ранее – консерватизма) как особого направления отечественной философской мысли, выступающая немаловажным аспектом философии Русской идеи. Доказывается, что фундаментальным принципом этого идеала выступает защита своего геополитического пространства от давления атлантистской цивилизации ради создания условий реализации модели справедливого социального устройства, национального возрождения и нравственного преображения человечества. Прослеживается историческая эволюция российского традиционализма в рамках периода XIX – начала XXI в., его концептуальная преемственность и динамика идей. Делается вывод о том, что в результате развития социально-философской и историософской доктрин отечественного традиционализма представители основного спектра его современных течений пришли к твердому осознанию необходимости для эффективного противостояния давлению субъектов глобализма реализации в России имперской модели нового типа, при справедливом социально-политическом устройстве и национально-культурной самодостаточности.

Геополитика, Русская идея, охранительный консерватизм, евразийство, неоевразийство, монархический традиционализм, социал-традиционализм, антиглобализм.

Восприятие и истолкование истории теоретического общественного сознания отдельных стран и народов, а равно и всего человечества как идеологического (посредством религии, философии и отчасти науки) обоснования и конфликта различных типов морали является, на наш взгляд, наиболее адекватным способом ее интерпретации. Геополитика представляет собой пример наиболее органичного соединения собственно научного знания и идеологических построений. Геополитические доктрины выступают прямым выражением национальных идей и национально-государственных идеологий, следовательно, все стороны *этически наполнены*. Так, «классические» построения германской (Ф. Ратцель, Р. Челлен, К. Хаусхофер) и особенно американо-британской (Х. Маккиндер, А. Мэхен) школ с их идеологией «господства над миром», «расширения жизненного пространства», «глобального доминирования», «стратегии анаконды» и т.п. становятся очевидным выражением не только агрессивного эгоизма, но и торжества антиценностей. Иной, основанный на глубокой нравственной позиции философии Русской идеи посыл несут в себе геополитические построения отечественного традиционализма (ранее – консерватизма). В рамках Русской идеи история отечественной консервативной мысли являет собой развертывание проекта нравственного государства. И хотя к теме отечественной «консервативной геополитики» исследователи (Н.В. Работяжев, Л.В. Поляков, И.З. Бестужев и др.) обращаются нередко, говорить о возможности подведения хотя бы предварительных итогов преждевременно. В большинстве работ нечетко определяются признаки российского консерватизма как объекта исследования (что вызывает неоднозначность подходов применительно к выбору персоналий), а собст-

венно геополитические построения консервативных мыслителей не вычлняются из всего массива их социально-философских воззрений. Решение проблемы ценностной идентификации отечественного традиционализма через анализ его геополитических построений в рамках методологической опоры на историко-компаративистский и системный подходы и выступает *целью* настоящей работы.

По нашему мнению, собственно *консерватизм в Российской империи* – это охранительное течение, отличное от славянофильства, а также религиозного реформаторства конца XIX – начала XX в. Консерватизм в России сложился как теоретически оформленное общественно-политическое движение в первой трети XIX в. на основе идей и принципов незыблемости политического самодержавия, юридического приоритета православия, сословного иерархизма, «государственнического» национализма, религиозного провиденциализма и национальной самобытности. Его теоретики модернизировали концептуальное историко-политическое наследие России эпохи Средневековья («Москва – Третий Рим» и др.) и привели его в соответствие с переработанными доктринами западноевропейского консерватизма и адаптированными элементами философии Просвещения (среди которых приоритетное значение имело положение о необходимости нравственного совершенствования общества в ходе исторического движения). Идеями наследниками охранительного консерватизма можно считать И.А. Ильина, евразийство 1920–30-х гг., а в постсоветской России – во-первых, *фундаментальный консерватизм* (неоевразийство, а также православный монархизм), а во-вторых, *национальный «государственнический» социализм (социал-консерватизм)*, примирившийся с советским опытом и синтезировавший

доктрину «Великой России» и идеологию социальной справедливости. При этом в рамках выраженной преемственности идейная эволюция отечественного консерватизма заключается в отказе от явного провиденциализма, переходе на позиции светской духовности, восприятии религиозного опыта скорее как уважаемой традиции. Сам же термин «консерватизм» постепенно все более вытесняется понятием «традиционализм» (ибо «консерваторы» Новейшего времени требуют не сохранения, а смены политической реальности), которое далее будет использоваться в качестве основного именованного рассматриваемого направления.

Формирование концепции об особой исторической роли России и русского народа в мире в рамках получившей законченное выражение антитезы «Россия – Запад» составило основное отличие историософии российского охранительного консерватизма, с одной стороны, от западноевропейских консервативных учений, почти игнорировавших Россию как создающий субъект мировой истории, с другой – от неортодоксальных религиозно-философских течений (вроде философии «нового религиозного сознания» Вл.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева и др.), фактически подменявших идею взаимосвязи единичного (национального) и общего (всечеловеческого) как равнозначимых и не существующих друг без друга составных частей идей фатального растворения единичного в произвольно понимаемом общем. «Реакционеры» первыми констатировали, что противоречия между Россией и Западом на уровне цивилизационных принципов имеют неразрешимый характер, провозгласив тезис о ее потенциальной возможности стать политическим и духовным лидером человечества.

При этом объективно-идеалистическая по своей сути социология и историософия «классического» российского консерватизма была не чужда использованию элементов «географического подхода». Первоначально наивные формы географического детерминизма вроде рассуждений молодого Н.М. Карамзина о том, что сырой климат – причина того, что «английская история – богата злодействами» [5, с. 455–456], или идеи М.П. Погодина о том, что подобный западноевропейскому феодализм не сформировался на Руси, поскольку на ее территории феодалу нигде и не из чего было выстроить себе замка («он не нашел бы себе неприступной горы, – да и камня нет на строение, а только сгораемый лес» [14, с. 78]), спустя сравнительно недолгий срок сменились основательной теорией Д.И. Иловайского об опосредованном влиянии географической среды на «формы государственного быта» (форму правления, религию, сословный состав, политическое устройство, этнографическое состояние) [4, с. 309].

Наиболее выраженное геополитическое понимание истории в российском традиционализме XIX в. представлено наследием *К.Н. Леонтьева*, в свою очередь проанализировавшего культурно-географический подход позднего славянофила Н.Я. Данилевского.

Эволюция взглядов Леонтьева происходила в направлении постепенного отхода от позиций эстетизма как предтечи нищезанятия (обличающего буржуазную серость и восхваляющего красоту) в пользу идеала морально-эстетической гармонии, преодоле-

ния в нравственной любви религиозного происхождения противоречия между «поэзией и моралью» [6, с. 313, 314].

В рамках описанного идеала К.Н. Леонтьев смотрел на Россию как единственный цивилизационный субъект, потенциально способный (и обязанный) явить миру новый, высший тип цветущей культуры. «Россия – не просто государство; Россия, взятая во всецелости со всеми своими азиатскими владениями, это целый мир особой жизни, особый государственный мир, не нашедший еще себе своеобразного стиля культурной государственности», – писал он, призывая к развитию «своей собственной, оригинальной, славяноазиатской цивилизации», радикально отличающейся от цивилизации европейской с ее торжествующим мещанством.

Леонтьев, не страшившийся глобальной войны с Западом, призывал к завоеванию Россией Царьграда, с тем, чтобы в древней столице Византии заложить фундамент нового культурно-государственного здания, объединяющего православные народы на византийских основах. Константинополь, по его мнению, должен стать «культурным центром целого грекославянского союза или нового восточного мира» под водительством России. «Царьград, – утверждал Леонтьев полтора века назад, – есть тот естественный центр, к которому должны тяготеть все христианские нации, рано или поздно (а, может быть, и теперь уже) *предназначенные составить с Россией во главе великий восточно-православный союз*» [7, с. 146]. «Будут тогда две России...: *Россия – империя*, с новой административной столицей (в Киеве) и *Россия – глава Великого Восточного Союза* с новой культурной столицей на Босфоре» [7, с. 210], – мечтал консервативный мыслитель, не видя в создании колоссального царства на манер империи Александра Македонского ничего принципиально утопического. По мнению Леонтьева, только экспансия на Восток даст новый импульс к развитию оригинальной русской культуры как минимум отсрочит гибель русской государственности.

Следующим этапом эволюции доктрины российского традиционализма, опирающейся на понятие «национальный» или «социально-культурный» организм, выступило *евразийство*, представители которого – Н.Н. Алексеев, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой и др. – первыми в отечественной мысли начали использовать сам термин «геополитика». Евразийское течение питалось многими духовными истоками, берущими начало в лоне как гуманитарных, так и естественнонаучных трудов русских авторов (труды Н.Я. Данилевского, В.Ф. Головачева, А.И. Воейкова, П.П. и В.П. Семеновых-Тян-Шанских, Л.И. Мечникова, Д.А. Милютин). Учитывая, что главным стимулом развития России, как правило, выступала внешняя угроза, евразийский проект предполагал *отказ от подражания во всех сферах жизни, идею доктринального синтеза, т.е. сочетания открытости и динамизма с традицией и консерватизмом*, где экономические формы и инструменты (автаркия, многоукладность, предпринимательская инициатива) должны служить развитию науки и искусства, укреплению социальной солидарности и обороноспособности страны.

В отличие от предыдущих поколений отечественной философской мысли (где пространство российской цивилизации, историософии и истории рассматривалось все же в рамках тех научных и идеологических доктрин, в которых доминировали «беспостранственные» политические и исторические модели репрезентации), евразийство сделало образы пространства основным углом зрения, помогающим лучше понять Россию как «организм естественного размера» на фоне иных цивилизаций. Уместно процитировать П.Н. Савицкого, писавшего: «Смычка географии с историософией подразумевает наложение на сетку географических признаков сеток признаков *исторических*, которыми характеризуется Россия-Евразия как особый исторический мир... При возможности и наличии определения России как особого географического мира самое существование русской историософии как одной из важнейших магистралей русской культуры, историософии, для которой определение России как особого географического мира является основной категорией мышления, – в этих условиях, повторяем, самое существование русской историософии поставляет и обосновывает намеченную задачу» [8, с. 229].

В свою очередь, представленное рядом направлений и концепций *неоевразийство* конца XX – начала XXI в. (А.Г. Дугин, В.В. Кожин, В.В. Малаев, А.С. Панарин, В.Я. Пашенко и др.) разработало в контексте Русской идеи геополитический вариант концепции, притязавшей на роль валидной теоретической основы при разработке геостратегии современной России. Необходимость преодоления кризиса общества и государства стала главной причиной творческого, посредством обращения к идеям и концептам Х. Маккиндера, К. Хаусхофера, немецких «консервативных революционеров» Э. Юнгера, К. Шмитта и др., освоения наследия патриотической мысли. Ориентация на *стратегию национального антиглобализма*, стремление к достижению строя «демотической идеократии», геополитической многополярности, цивилизационно-исторической контекстуализации экономической деятельности, единства научно-технического и этического прогресса в целом может обеспечить ту полноту социального бытия, о которой А.С. Панарин писал следующее: «Цивилизационный процесс имеет два взаимосвязанных аспекта: инструментально-прагматический, инфраструктурный, призванный обеспечить единое экономическое, информационное, правовое пространство, и духовно-ценностный, призванный сообщить этому пространству высший сакральный (ценностный) смысл» [13, с. 239]. Миссия России, считал он, заключается в осуществлении евразийского цивилизационного проекта, иными словами, созидания евразийской цивилизации на постсоветском пространстве. «Русская идея в Евразии, – утверждал Панарин, – была связана с мессианизмом, готовностью взять на себя груз ответственности за состояние этой части ойкумены, разделить бремя существования с дружественными народами, сообща строить будущее» [12, с. 88]. Вместе с тем он надеялся, что евразийский проект может стать для всего незападного мира консолидирующей силой в его сопротивлении глобализму.

Наиболее развернутым (хотя и не лишенным утопических моментов) вариантом геополитики неоевразийства стала концепция *новой Евразийской империи*, разработанная А.Г. Дугиным.

Подобно М.Н. Каткову, переносившему гегелевскую философско-историческую концепцию на российскую действительность, Дугин пишет следующее: «Гегель развил интересную концепцию, что Абсолютная идея в эсхатологической ситуации должна проявиться в окончательном, «осознанном» виде в форме прусского государства. Однако в планетарном масштабе Пруссия, и даже Германия, взятые отдельно, геополитически недостаточны... Россия же, Третий Рим, и религиозно, и культурно, и пространственно, и стратегически прекрасно соответствует подобному телеологическому взгляду на сущность истории и явно стремится исполнить именно эту миссию», создать «континентальное Царство Абсолютной Идеи» [3, с. 197–198].

Евразийская империя, «построение которой отвечало бы глобальной, планетарной цивилизационной миссии русского народа», мыслится как многоуровневое образование, «империя империй», «конфедерация Больших Пространств», среди которых выделяются четыре основных – Европейская империя на Западе, Тихоокеанская империя на Востоке (вокруг Японии), Среднеазиатская империя на юге (вокруг Ирана) и собственно Русская империя в центре Евразии (вокруг России). Помимо этого предполагается существование ряда других «Больших Пространств» – вокруг Индии и Китая, на основе арабского мира, а также панафриканский союз. Если в культурно-цивилизационном плане Россия безусловно должна отстаивать собственную идентичность, «духовное самоопределение», то в политическом отношении стратегической формулой должно стать растворение в континентальном пространстве (при том, что только континентальная интеграция Евразии с центром в России может гарантировать всем ее народам и государствам реальный суверенитет). Цивилизационный же выбор в политике есть утверждение себя «особым изолированным человечеством». Россия не должна сливаться с миром, пока мир не стал Россией.

Современные *правые* («православно-монархические», «белые») *традиционалисты* тяготеют к органическому пониманию общества и нации (каждый народ для них – это соборный исторический организм). Поэтому распад СССР нередко воспринимается ими в духе И.А. Ильина как противоестественное расчленение органического целого. Так, по мнению В.Н. Осипова, географически и территориально СССР и Россия – это одно и то же, а «Беловежский сговор декабря 1991 года есть преступление, но не в смысле ликвидации незаконного, нелегитимного, сочиненного большевиками Советского Союза, а в смысле расчленения органически единого и неделимого 1000-летнего государственного организма» [11, с. 119]. Постулируется сущностная несовместимость российской и евроатлантической цивилизаций. К примеру, Е.С. Холмогоров связывает противоположность западной и российской цивилизаций с тем, что в их фундаменте лежат различные типы действия – целерациональное и ценностно-рациональное (по

терминологии М. Вебера). Основу западного капитализма, согласно Холмгорову, составляет целерациональное действие: субъект ставит перед собой четкую цель и стремится ее достичь, внешний мир и другие люди являются для него только лишь средствами. «Русская цивилизация строится на другом типе действия – ценностно-рациональном, для которого безусловная ценность, заданный высокий социальный идеал, имеет первенствующее значение над целью и задает рациональной структуре определенное смысловое, а не только целевое содержание» [15, с. 251].

Правыми традиционалистами подчеркивается многовековое глубинное неприятие Западом России в двух ее ипостасях: «как равновеликой Западу в целом геополитической силы и исторической личности с всегда собственным поиском универсального смысла мироздания – препятствия на пути сокрушения многообразного мира, превращаемого сегодняшним мессианским проектом либеральной глобализации в культурную и экономическую провинцию англо-американского мира» [10, с. 214]. При этом нередко утверждается, что Запад едва ли не онтологически враждебен любой России, а цели холодной войны диктовались не только идеологическим, но и геополитическим соперничеством. «Стратеги и творцы холодной войны с самого начала метили именно в Россию как своего главного геополитического – и не только – противника, будь Россия советской или царской, как в начале века», – пишет, например, К.Г. Мясло [9, с. 16].

Определенная неприязнь «белых консерваторов» к евразийству, принимающему, по их мнению, роль русского народа в России и подрывающему русскую идентичность, выражается в убеждении о «невозможности и пагубности для русского народа восстановления Советского Союза» [16, с. 68]. Геополитические устремления этого крыла традиционализма направлены прежде всего на воссоединение (или, по меньшей мере, интеграцию) России с Украиной (в связи с событиями 2014 г. – какой-то ее частью) и Белоруссией.

Геополитические установки современного **социал-традиционализма**, лозунгом которого выступает единство национальной власти и социальной справедливости, наглядно представляют работы С.Н. Бабурина.

История Нового и Новейшего времени для Бабурина есть история смены мировых порядков, т.е. систем обладания территориями: начиная от Вестфальской и Венской систем и заканчивая так называемым Мальтийско-Мадридским порядком (установившим гегемонию США и НАТО). Россия должна стать создателем нового глобального порядка, в основу которого может быть положен принцип *многополярного рассредоточения власти* [2, с. 217].

Констатируя «загадочность» России как геополитического субъекта по причинам отсутствия достоверной древней истории (археологическое наследие есть, а письменные источники потеряны или уничтожены), климатической суровости и превалирования духовного над мирским в фундаменте национального самосознания, Бабуриным отмечается, что Россия практически никогда не была национальным государством в его классическом понимании – «один этнос – одно государство». Она сразу формировалась как объеди-

нение (союз) разных этносов на основе восточнославянского единства при двух скрепляющих стержнях – русском языке и православии. Отсюда выросло самощущение русской (восточнохристианской) цивилизации (содержания общности) и русской империи (ее формы). Как и всякая цивилизация, русская не является замкнутой системой, она стремится через внешние дела (политику, экономику и прежде всего культуру и науку) нести свое мироощущение тем, кто вне ее [1, с. 14]. В XX в. историческая Россия дважды прошла через трагедию разрушения (1917 и 1991 гг.). После первого она сумела восстановить свои естественные границы; советский строй был особой цивилизацией, прошедшей за сравнительно короткий срок все циклы цивилизационного развития: от героического периода выдвижения нового социального идеала, через войны и период стабильности, – к «усталости, утрате веры и безвольному увяданию». В начале XXI в. мы имеем русскую цивилизацию, находящуюся в рассеянии, а Российская Федерация – ее самый крупный осколок.

Основным геополитическим понятием у Бабурина выступает «Русский мир», понимаемый как культурно-историческая общность, выходящая за рамки национальных государств и тем более политических систем. Русский мир предполагает ощущение широкого цивилизационного единства, выходящего за рамки этнического или религиозного признака, жизнь, основанную на отличной от других системе ценностей и интересов [1, с. 15]. С этих позиций пространство Русского мира определяется мыслителем как практически вся территория бывшего СССР, а также Сербия и Черногория. Политическим ядром Русского мира должно стать союзное государство России и Белоруссии, превращенное в из аморфного образования в дееспособный политический субъект, представленный в Совете Безопасности ООН, «великая держава, основанная на русской культуре и русском языке», способная отразить экспансию Запада и Востока, отвергающая глобалистическую унификацию.

Российской (русской) имперской идее присущ сложный комплекс религиозно-идеологических представлений об эсхатологическом смысле и предназначении российской государственности, характере и целях великодержавного строительства. Имперский подход означает не только сильную власть, но и власть справедливую, при которой каждому человеку гарантируются все возможности для всестороннего развития, благополучной и достойной жизни. Не за счет других людей, а вместе с ними [1, с. 20].

Таким образом, геополитический идеал российской консервативно-традиционалистской мысли претерпел некоторую трансформацию по мере изменения исторической ситуации, государственной эволюции и разветвления самого отечественного традиционализма. Вместе с тем его сущностные черты за последние более чем полтора века остались прежними при неуклонном возрастании нравственной составляющей, преодолении социально-классовой ограниченности. Фундаментальным принципом выступает защита своего геополитического пространства от давления атлантической цивилизации ради реализации модели справедливого социального устройства, национально-

го освобождения и нравственного преобразования человечества.

Современная российская традиционалистская мысль по сути вся проникнута убеждением о том, что в противостоянии с глобалистским диктатом традиционные – деспотические или олигархические – режимы, опирающиеся на прежние формы государственности и практики социального управления, обречены на поражение в информационно-идеологической и технологической войне. Эффективно сопротивляться западнистской гегемонии в принципе может только государство, крупное по занимаемому пространству и численности населения, ориентированное на заповеди национально выраженной абсолютной морали, строящее на ее основе политическую и правовую деятельность, обладающее самостоятельной идеологией и стратегией развития на базе национальной идеи, чуждое коррупции и олигархизации. Следовательно существование России в будущем возможно только в качестве государства с имперскими чертами, отличающегося как от средневековых империй Востока и европейских колониальных держав Нового времени, так и от «империи наоборот» – СССР.

Литература

1. Бабурин, С.Н. Возвращение русского консерватизма / С.Н. Бабурин. – Москва: И-т русской цивилизации, 2012. – 832 с.
2. Бабурин, С.Н. Мировой порядок как система обладания территориями / С.Н. Бабурин // Наш современник. – 2006. – № 7. – С. 202–224.
3. Дугин, А.Г. Основы геополитики / А.Г. Дугин. – Москва: Арктогея, 1997. – 608 с.
4. Иловайский, Д.И. Мелкие сочинения, статьи и письма / Д.И. Иловайский. – Москва: Тип. М.Г. Волчанинова, 1888. – Т. 1. – 416 с.
5. Карамзин, Н.М. Письма русского путешественника / Н.М. Карамзин. – Москва: Правда, 1988. – 540 с.
6. Леонтьев, К.Н. Восток, Россия и славянство / К.Н. Леонтьев. – Москва: Республика, 1996. – 798 с.
7. Леонтьев, К.Н. Храм и Церковь / К.Н. Леонтьев. – Москва: АСТ, 2003. – 636 с.
8. Мир России – Евразия: антология / сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – Москва: Высш. шк., 1995. – 399 с.
9. Мяло, К.Г. Между Западом и Востоком. Опыт геополитического и историософского анализа / К.Г. Мяло. – Москва: А. Соловьев: Рус. Нац. Фонд, 2003. – 221 с.
10. Нарочницкая, Н.А. Россия и русские в мировой истории / Н.А. Нарочницкая. – Москва: Международные отношения, 2003. – 536 с.
11. Осипов, В.Н. Русское поле / В.Н. Осипов. – Москва: Десница, 1998. – 170 с.
12. Панарин, А.С. Вызов (Геополитический пессимизм против цивилизационного оптимизма) / А.С. Панарин // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. – Москва, 2000. – С. 80–94.
13. Панарин, А.С. Россия в циклах мировой истории / А.С. Панарин. – Москва: МГУ, 1999. – 288 с.
14. Погодин, М.П. Историко-критические отрывки / М.П. Погодин. – Москва: Тип. Августа Семена, 1846. – Кн. 1. – 464 с.
15. Холмогоров, Е.С. Русский националист / Е.С. Холмогоров. – Москва: Европа, 2006. – 432 с.
16. Шестаков, С.А. Политический консерватизм в постсоветской России / С.А. Шестаков. – Москва: Прометей, 2003. – 168 с.

Рецензент – Н.А. Ястреб, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ.

I.N. Tyapin

ETHICAL FOUNDATION OF THE GEOPOLITICAL IDEAL OF RUSSIAN TRADITIONALISM: HERITAGE AND MODERNITY

The article examines the problem of the geopolitical ideal of Russian traditionalism (previously known as conservatism) as a special trend of Russian philosophical thought, serving an important aspect of philosophy of the Russian idea. It is proved that the fundamental principle of this ideal is protection of its geopolitical space from the pressure of the Atlanticist civilization so as to create the conditions for implementation of the just social order, national revival and moral transformation of mankind. The historical evolution of Russian traditionalism is traced in the period from the 19th to the beginning of the 21st century, as well as its conceptual continuity and dynamics of its ideas. It is concluded that, due to the development of socio-philosophical and historiographical doctrines of Russian traditionalism, the representatives of the main range of its modern trends came to a solid realization of the necessity of implementing a new type of the Imperial model in Russia to confront effectively with the pressure of subjects of globalism, against the background of the just socio-political system and national and cultural self-sufficiency.

Geopolitics, the Russian idea, protective conservatism, eurasianism, neoeurasianism, monarchic traditionalism, social traditionalism, anti-globalism.